

Лучезарная женщина

ПАМЯТЬ

Сегодня исполняется девять дней, как ушла от нас живописец и график Вера Емельяновна Кузнецова-Кичигина, возможно, самая необыкновенная женщина города. В прошлом году ей исполнилось сто лет – век жизни, век времени. И какая это была удивительная жизнь – прекрасная, счастливая, страшная, трагическая.

Родилась Вера Емельяновна в Харбине, навсегда полюбила ощущение древности Востока, пагоды и изогнутые керамические крыши, яркие красные колонны, беломраморные лестницы, а необыкновенные закаты и удивительное небо Китая вспоминала до конца жизни.

Начиналась ее жизнь легко и весело: окончила гимназию, занималась в балетной студии. У Ольги Сергеевны Глушковой, вдовы ярославского художника Спартака Глушкова, хранятся три акварели Веры Кичигиной – три маленькие балеринки, легкие, как весенние бабочки, с дарственной надписью: «Спасибо тебе за Спартака!» Эти балеринки – тоже воспоминания о Китае, такой была Вера в самом начале жизни. Но не балет, а живопись стала содержанием ее пути. Потому что случилась встреча с прекрасным художником Михаилом Александровичем Кичигиным в студии «Лотос», созданной русскими эмигрантами. Он волею обстоятельств попал в Ки-

тай и прожил там 27 лет, с печалью вспоминая русские пейзажи, русские лица.

Встреча определила всю их жизнь. Среди работ Михаила Александровича есть портрет двадцатилетней Веры – уже не легкокрылая балерина, а молодая красивая женщина с решительным взглядом строгих глаз, с уверенной затаенной улыбкой. Мужа она всегда считала первым и единственным учителем, а работы их обоих будут позднее называть классикой XX века.

Такой, как на портрете, была Вера в дни их знакомства. И это была очень красивая пара. Автопортрет художника передает нам облик этого человека: ироничный взгляд, мужественный рисунок губ, светлые волосы...

Они и творчеством своим как бы дополняли друг друга – такие разные, такие яркие – на совместных выставках в Кантоне, Пекине, Сеуле, Шанхае, Москве, Петрозаводске, Ярославле.

По настойчивому желанию Михаила Александровича в 1947 году они приехали в Россию – он возвращался, она ехала в незакомый мир. Мир этот встретил их неласково – ехали два месяца, в Ярославле сначала жили в халупе у художественного училища, потом в Рубленом поселке.

Студенты с первой же встречи прониклись теплой заботой о своем преподавателе, по вечерам ходили по округе, собирали для его пещурки обломки досок. На занятия он приходил безукоризненно одетым, кисть в его руке всегда двигалась твердо и четко, краски ложи-

лись необычно. Дверь их бедного жилища всегда была открыта для молодых коллег.

Но испытания уже ждали их. В 1950 году Вера Кичигина была репрессирована и только через шесть лет реабилитирована. Как сохранила она в тех условиях светлое отношение к жизни, достоинство, преданность делу?

А судьба продолжала испытывать ее. После смерти мужа, оставшись в одиночестве, она никогда не замыкалась в себе. До преклонного возраста регулярно посещала Союз художников, всегда принося с собой ощущение чего-то необычного: необычно одетая – обожала светлые тона, любила шляпки, кепочки, панамки; необычные разговоры – о Китае, о встречах с Вертинским, другими артистами, художниками. Как всегда, была гостеприимна, и в ее дом знали дорогу люди разных профессий и возрастов, особенно была доброжелательна к молодым коллегам.

Картины Кичигиных есть во многих российских и зарубежных галереях, к 100-летию Веры Емельяновны состоялась выставка в Москве.

Тогда она уже была тяжело больна. Один за другим случились переломы ног, потом она потеряла зрение, а в последние месяцы и слух. Но всегда рядом с ней были друзья.

Многие годы Вера Емельяновна была источником радости и удивления для всех, кто ее знал, вдохновляющим примером того, сколько прекрасного может сберечь в себе лучезарная душа стойкого и лалантливого человека.

Инна КОПЫЛОВА.